

“Родство со стихиями” (Коренблит – Кюхельбекер)

1. Вакхическая песнь	– 1.42
2. Прекрасный ангел	– 2.10
3. Наши узы	– 2.21
4. К моему Гению	– 4.21
5. Вещунья	– 2.51
6. Сокол	– 2.16
7. Лес	– 2.06
8. Вопросы	– 2.00
9. Власть святая	– 2.13
10. Герой и певец	– 1.38
11. Герой и певец 2	– 1.51
12. Изгнанник	– 1.44
13. Чужая река	– 1.42
14. Клён	– 3.52
15. Ветер	– 2.53
16. Птицы	– 2.58
17. Родство со стихиями	– 1.44
18. Ночь	– 1.55
19. Луна	– 1.54
20. Море сна	– 2.42
21. При исходе года	– 1.13
22. Усталость	– 1.24
23. Разуверение	– 2.21
24. Ручей	– 2.41
<i>Общее время звучания</i>	<i>– 54.32</i>

СОДЕРЖАНИЕ

1. БАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

Что мне до стишков любовных?

Что до вздохов и до слез?

Мне, венчанному цветами,

С беззаботными друзьями

Пить под тению берёз!

Нам в печалях утешенье

Богом благостным дано:

Гонит мрачные мечтанья,

Гонит скуку и страданья

Всемогущее вино.

Друг воды на всю природу

Смотрит в черное стекло,

Видит горечь и мученье,

И обман и развращенье,

Видит всюду только зло!

Друг вина смеется вечно,
Вечно пляшет и поёт!
Для него и средь ненастья
Пламенеет солнце счастья,
Для него прекрасен свет.

О вино, краса вселенной,
Нектар страждущих сердец!
Кто заботы и печали
Топит в пенистом фиале,
Тот один прямой мудрец.

2. ПРЕКРАСНЫЙ АНГЕЛ

Цветок увядший оживает
От чистой, утренней росы;
Для жизни душу воскрешает
Взор тихой, девственной красоты.

Когда твои подёрнет щеки
Румянец быстрый и живой, -
Мне слышны милые упреки,
Слова стыдливости немой,

И я, отринув ложь и холод,
Я снова счастлив, снова молод,
Гляжу: невинности святой
Прекрасный ангел предо мной!

3. НАШИ УЗЫ

Так! легко мутит мгновенье
Мрачный ток моей крови,
Но за быстрое забвенье
Не лишай меня любви!

Редок для меня день ясный!
Тучами со всех сторон
От зари моей ненастной
Был покрыт мой небосклон.

Глупость злых и глупых злоба
Мне и жалки и смешны:
Но с тобою, друг, до гроба
Вместе мы пройти должны!

Незрывны наши узы!
В роковой священный час –
Скорбь и Радость, Дружба, Музы –

Души сочетали в нас!

4. К МОЕМУ ГЕНИЮ

Приди, мой добрый, милый Гений,
Приди беседовать со мной!
Мой верный друг в пути мучений,
Единственный хранитель мой!

С тобой уйду от всех волнений,
От света убегу с тобой,
От шуму, скуки, принуждений!
О, возврати мне мой покой!

Главу с тяжелыми мечтами
Хочу на грудь твою склонить
И на груди твоей слезами
Больную душу облегчить!

Не ты, не ты моим страданьем
Меня захочешь упрекать,
Шутить над теплым упованьем
И сердце разумом терзать!

Но было время – разделенья
От братий ждал я, от друзей, -
Зачем тоски и наслажденья
Я не берег от их очей!

Безмолвный страж моей святыни, -
Я стану жить в одном себе:
О ней я говорю отныне,
Хранитель, одному тебе!

О ней! ее я обожаю,
Ей жизнь хотел бы я отдать!
Чего же я, чего желаю?
Чего желать? – любить, страдать!

Приди, о ты, мой добрый Гений,
Приди беседовать со мной,
Мой верный друг в пути мучений,
Единственный сопутник мой!

5. ВЕЩУНЬЯ

"Светлый месяц не блещет
В тучах, батюшка, спит;
Крупный дождичек хлещет,
Непогодка гудит;
Сыр-бор гнется и воет...
Сердце вещее ноет:

С вещим ведут разговор
Ветер и дождик и бор.

Сыр-бор, мати дуброва!
Что ты, мати, шумишь?
Ох! шумишь и три слова,
Три словечка твердишь:
Быть, - твердишь ты, - разлуке,
Быть кручине и муке!
Что же сулишь под конец?
Слушаю – слышу: "Венец!"

Дождик, дождичек крупный!
Что ты, сударь, стучишь?
Стук и стук, неотступный!
Три словечка твердишь:
"Быть, - твердишь ты, - веселью,
А с веселья да и в келью!"
Что же, скажи, под конец?
Слушаю – слышу: "Чернец!"

Ветер буйный и шумный!
Что, родимый, кричишь?
Рвешься, будто безумный,
Три словечка твердишь:
Слово первое: "Пойте!"
А другое: "Заройте!"
Третье-то слово, отец?
Слушаю – слышу: "Мертвец!"

6. СОКОЛ

Раздался звон:
Она и он
Спешат во храм;
По их следам
Народ шумит,
Народ бежит.
Все хвалят их:
"Хорош жених,
Хорош, пригож,
Невеста тож".
В толпе людей
Кто им злодей?
Одна беда:
Им ждать вреда,
Бояться зла,
От сокола.

Конь с седоком

За соколом
Несется вдаль,
Несет печаль.
Не виноват
Ни брат, ни сват;
Не злой сосед
Причиной бед;
Тут нет проказ
От вражьих глаз...
Тут та беда,
Что ждать вреда,
Что ждать им зла
От сокола!

Сокол-пострел!
Зачем ты сел
На светлый шест,
На самый крест?
Лукав и зол
Пострел сокол:
Вот молодца
Из-под венца
Прогнал же вор
В дремучий бор!
От сокола
Ждать было зла,
Ждать было зла
От сокола!

7. ЛЕС

Во сыром бору
Ветер завывает;
На борзом коне
Молодец несется.

Позади сидит
Красная девица;
Вороной скакун
Мчит их в лес дремучий.

“Гой еси ты, конь,
Гой еси, ретивый!
В лес не мчи меня,
Не неси в дремучий!

В том темном лесу,
В черной той дубраве,
Нет волков, ни лис,
Ходит, бродит, леший!

В том темном лесу,
В черной той дубраве,
Не услышишь птиц,
А поют русалки!"

Гаснет среди туч,
Гаснет светлый месяц;
Конь несет их в глушь,
В лес и в глушь немую.

Молодец глядит,
Видит клен да ветлы;
Бодрый слух вострит,
Слышит – воет ветер.

Вся как лист дрожит
Позади девица:
"Вот, он там стоит!
Чу, хохочут, свищут!"

Занялась заря,
Буйный ветер стихнул:
Молодец рыдал
Над бездушным телом!

8. ВОПРОСЫ

Ужель и неба лучшие дары
В подлунном мире только сновиденье?
Ужель по тверди только до поры
Свершают звезды дивное теченье?
Должно ли ведать гнев враждебных лет,
Душа души, святое вдохновенье,
Должно ли опадать в одно мгновенье,
Как в осень сорванный со стебля цвет?
Увы мне! с часу на час реже, реже
Живительным огнем согрет мой дух!
И тот же мир, и впечатленья те же,
Но прежних песней не уловит слух,
Но я не тот; уж нет живого чувства,
Которым средь свободных, смелых дум
Бывал отважный окрыляем ум:
Я робкий раб холодного искусства –
Седеет волос в осень скорбных лет;
Ни жару, ни цветов весенних нет...

9. ВЛАСТЬ СВЯТАЯ

О, власть святая вдохновенных песен,
Неодолимая! сколь ты сильна!
Наш скорбный, бедный мир как мал и тесен!

Но ты, отваги радостной полна,
 Дохнешь, расширишь вдруг его пределы
 И новый мир пробудишь ото сна;
 Летишь и сеешь громовые стрелы
 И растопляешь твердые сердца.
 Сердца людей бесчувственны, дебели;
 Но глас могущий вещего певца
 В них жизнь волеет – и, будто воск, растают
 Пред дивным пламенем его лица...

10. ГЕРОЙ И ПЕВЕЦ

Герой, кому венец дарован бранный,
 Муж, совершивший смелые дела,
 Живет в столетьях, славой осиянный;
 Пусть поразит могущего стрела, -

За гроб восхитит лавр, однажды данный!
 Расступится завистливая мгла:
 Он разорвет времен покров туманный
 Сиянием бессмертного чела.

Но без хвалы и битвы и победа
 Как шумная река бы протекли
 И в мире не оставили бы следа,

Да чтят витию племена земли!
 Спасает подвиги его беседа:
 Бойцы бы без него, как сон, прошли.

11. ГЕРОЙ И ПЕВЕЦ II

Подобится златому оку мира
 Спаситель братьев, радостный боец:
 Но пастырю полночных стад эфира –
 Луне подобен сладостный певец.

А тот, кому даны и меч, и лира,
 Кто на главу взложил двойной венец,
 В войне - перун, в объятиях же мира -
 Души обворожитель, врач сердец,

Тому подобья нет: его судьбина,
 Священных, дивных полная чудес,
 Гора сокровищ и богатств пучина,

На землю прямо пала от небес:
 Он выше всех; так скал крутых вершина
 Златая превышает темный лес.

12. ИЗГНАННИК

Суров и горек черствый хлеб изгнанья;

Наводит скорбь чужой страны река,
 Душа рыдает от ее журчанья,
 И берег уныл, и влага не сладка:
 В изгнаннике безмолвном и печальном
 Туземцу непостижная тоска;
 Он там оставил сердце, в крае дальном,
 Там для него всё живо, всё цветет;
 А здесь... не всё ли в крове погребальном,
 Не всё ли вянет здесь, не всё ли мрет?
 Суров и горек черствый хлеб изгнанья;
 Изгнанник иго тяжкое несет!

13. ЧУЖАЯ РЕКА

На берегу чужой реки
 Одинок тоскую;
 Грустно в дальней стороне
 Воду пить чужую!

Ах, зачем я не сокол?
 Полетел бы к милым!
 В их дремучие леса,
 К их холмам унылым!

В те места, где злой пришлец
 Зрит, смеясь, их слезы,
 Где одна глухая ночь
 Слышит их угрозы!

Полетел бы я туда,
 К ним, к родным, в объятья!
 На пришельцев бы восстал!
 С вами б умер, братья!

14. КЛЁН

Скажи, кудрявый сын лесов священных,
 Исполненный могучей красоты,
 Среди камней, соков жизненных лишенных,
 Какой судьбою вырос ты?

Ты развился перед моей тюрьмою...
 Сколь многое напоминаешь мне!
 Здесь не с кем мне... поговорю с тобою
 О милой сердцу старине:

О времени, когда, подобно птице,
 Жилище вольной средь твоих ветвей,
 Я песнь свободную певал деннице
 И блеску западных лучей;

Твои всходящие до неба братья

Видали, как завешанную тьмой
Страну я звал, манил в свои объятья, -
И покачали головой.

А ныне ты свидетель совершенья
Того, что прорицали братья мне;
О ты, последний в мраке заточенья
Мой друг в далекой стороне!

15. ВЕТЕР

Слышу стон твой, ветер бурный!
Твой унылый, дикий вой:
Тьмой ненастной свод лазурный,
Черным саваном покрой!

Пусть леса, холмы и доли
Огласит твой шумный зык!
Внятны мне твои глаголы,
Мне понятен твой язык.

Из темницы безотрадной
Преклоняю жадный слух:
За тобою, ветер хладный,
Рвется мой стесненный дух!

Ветер! ветер! за тобою
К необъятной вышине
Над печальной мглой земною
В даль бы понестися мне!

Был бы воздух одеянье,
Собеседник – божий гром,
Песни – бурей завыванье,
Небо – мой пространный дом.

Облетел бы круг вселенной,
Только там бы отдохнул,
Где семьи, мне незабвенной,
Речи вторит тихий гул;

Среди летней светлой ночи,
У часовни той простой,
Им бы там мелькнул я в очи,
Где почиет их родной!

К милым я простер бы руки,
Улыбнулся бы, исчез,
Но знакомой лиры звуки
Потрясли бы близкий лес.

16. ПТИЦЫ

Счастливицы вольные птицы:
 Не знают они ни темницы,
 Ни ссылки, ни злой слепоты.
 Зачем же родился не птицею ты?

Да! ласточкой, легкой касаткой!
 Глядел бы на мир не украдкой,
 Весь видел бы вдруг с высоты.
 Зачем же родился не птицею ты?

Счастливицы вольные птицы:
 купаются в море денницы,
 Им прах незнаком суеты.
 Зачем же родился не птицею ты?

Нет божией птичке работы,
 Ни страха, ни слез, ни заботы,
 Не слышит она клеветы!
 Зачем же родился не птицею ты?

С утра и до вечера бога
 Ты славил бы в выси чертога
 Чудесной святой красоты.
 Зачем же родился не птицею ты?

Ты пел бы с утра до зарницы
 Созданье премудрой десницы,
 И звезды, и луг, и цветы,
 Зачем же родился не птицею ты?

Ты грязь ненавидишь земную,
 Ты просишься в твердь голубую,
 Ты рвешься из уз темноты,
 Верь: некогда птицею будешь и ты!

Прильнут к раменам тебе крылья,
 Взлетишь к небесам без усилья,
 И твой искупитель и бог
 Возьмет тебя в райский нетленный чертог!

17. РОДСТВО СО СТИХИЯМИ

Есть что-то знакомое, близкое мне
 В пучине воздушной, в небесном огне;
 Звезды полуночной таинственный свет
 От духа родного несет мне привет.

Огромную слышу ли жалобу бурь,
 Когда умирают и день, и лазурь,
 Когда завывает и ломится лес, -

Я так бы и ринулся в волны небес.

Донельзя постылы мне тина и прах;
Мне там в золотых погулять бы полях:
Туда призывают и ветер, и гром,
Перун прилетает оттуда послом.

Туман бы распутать мне в длинную нить
Да плащ бы широкий из сизого свить,
Предаться бы вихрю несытой душой,
Средь туч бы летать под безмолвной луной!

Всё дале и дале, и путь бы простер
Я в бездну, туда – за сапфирный шатер!
О, как бы нырял в океане светил!
О, как бы себя по Вселенной разлил!

18. НОЧЬ

Ночь, - приди, меня покрой
Тишиною и забвеньем.
Обольсти меня виденьем,
Отдых дай мне, дай покой!

Пусть ко мне слетит во сне
Утешитель мой ничтожный,
Призрак быстрый, призрак ложный,
Легкий призрак милых мне!

Незабвенных, дорогих
Наслажуся разговором:
Повстречаюся с их взором,
Уловлю улыбку их!

Предо мной моя семья:
Позабыты все печали,
Узы будто не бывали,
Будто не в темнице я!

19. ЛУНА

Тебя ли вижу из окна
Моей безрадостной темницы,
Златая, ясная луна,
Созданье божией десницы?

Прими же скорбный мой привет,
Ночное мирное светило!
Отраден мне твой тихий свет:
Ты мне всю душу озарило.

Так! может быть, не только я,

Страдалец, узник, в мраке ночи, -
 Быть может, и мои друзья
 К тебе теперь подьмлют очи!

Быть может, вспомнят обо мне!
 Заснут; с молитвою, с любовью
 Мой призрак в их счастливом сне
 Слетит к родному изголовью,

Благословит их... Но когда
 На своде неба запылает
 Передрассветная звезда, -
 Мой образ, будто пар, растает.

20. МОРЕ СНА

Мне ведомо море, седой океан:
 Над ним беспредельный простерся туман.
 Над ним лучезарный не катится щит;
 Но звездочка бледная тихо горит.

Пускай океана неведом конец,
 Его не боится отважный пловец;
 В него меня манят незанятый блеск,
 Таинственный шепот и сладостный плеск.

В него погружаюсь один, молчалив,
 Когда настает полуночный прилив,
 И чуть до груди прикоснется волна,
 В больную вливается грудь тишина.

И вдруг я на берегу – будто знаком!
 Гляжу и вхожу в очарованный дом:
 Из окон мне милые лица глядят,
 И речи приветные слух веселят,

Не милых ли сердцу я вижу друзей,
 Когда-то товарищей жизни моей?
 Все, все они здесь! Удержать не могли
 Ни рок их, ни люди, ни недра земли!

По-прежнему льется живой разговор;
 По-прежнему светится дружеский взор...
 При вещем сиянии райской звезды
 Забыта разлука, забыты беды.

Но ах! пред зарей наступает отлив –
 И слышится мне не отрадный призыв...
 Развеялось все – и мерцание дня
 В пустыне глухой осветило меня.

21. ПРИ ИСХОДЕ ГОДА

Что скажу я при исходе года?
 Слава богу, что и он прошел!
 Был он для изгнанника тяжел,
 Мрачный, как сибирская природа.

Повторять ли в сотый раз: "Всё тленно?
 Всё под солнцем дым и суета?"
 Не поверят! – Тешит их мечта!
 Для людей ли то, что совершенно?

Ноша жизни однозвучной, вялой,
 Цепь пустых забот, и мук, и снов,
 Глупый стук расстроенных часов –
 Гадки вы душе моей усталой!

22. УСТАЛОСТЬ

Мне нужно забвенье, нужна тишина:
 Я в волны нырну непробудного сна;
 Вы, порванной арфы мятежные звуки,
 Умолкните, думы, и чувства, и муки.

Да! чаша житейская желчи полна;
 Но выпил же я эту чашу до дна, -
 И вот опьянелой, больной головою
 Клонюсь и клонюсь к гробовому покою.

Узнал я изгнанье, узнал я тюрьму,
 Узнал слепоты нерассветную тьму,
 И совести грозной узнал укоризны,
 И жаль мне невольницы – милой отчизны...

23. РАЗУВЕРЕНИЕ

Не мани меня, надежда,
 Не прельщай меня, мечта!
 Уж нельзя мне всей душою
 Вдаться в сладостный обман:
 Уж унесся предо мною
 С жизни жизненный туман!

Неожиданная встреча
 С сердцем, любящим меня, -
 Мне ль тобою восхищаться,
 Мне ль противиться судьбе? -
 Я боюсь тебе вверяться!
 Я не радуюсь тебе!

Надо мною тяготееет
 Клятва друга первых лет! -
 Юношей связали музы,

Радость, молодость, любовь –
Я расторг святыя узы!
Он в толпе моих врагов!

"Ни любовницы, ни друга
Не иметь тебе вовек!" –
Молвил гневом вдохновенный
И пропал мне из очей –
С той поры уединенный
Я скитаюсь меж людей!

Раз еще я видел счастье,
Видел на глазах слезу,
Видел нежное участие,
Видел, но прости, певец!
Уж предвижу я ненастье:
Для меня ль союз сердец?

Что же роковая пуля
Не прервала дней моих?
Что ж для нового изгнанья
Не ведут ко мне коня?
В тихой тьме воспоминанья
Ты б не разлюбил меня!

24. РУЧЕЙ

Мальчик у ручья сидел,
Мальчик на ручей глядел;
Свежий, краснощекий,
Он тоскующей душой
За бегущею волной
Несся в край далекий.

"Как здесь стало тесно мне!
Здесь в унылой тишине
Чуть влачатся годы.
Ах, умчусь ли я когда
В даль волшебную, куда
Льются эти воды?"

Льются, льются токи вод,
Миновал за годом год.
Он узнал чужбину;
Полетел, исполнен сил,
Жадно наслажденье пил,
Жадно пил кручину.

Быстрым пламенем любовь
В нем зажгла и гонит кровь.
Сердце в нем вспылало:

Как горит он всё обнять,
Всё к груди, к душе прижать.
Всё для сердца мало.

Он за славой полетел,
Полетел навстречу стрел,
В шум и ужас боя;
Разгромил врагов герой, -
Но насытился войной:
Мрачен лик героя.

Льются, льются токи вод.
Миновал за годом год;
Бросил он чужбину
И, согбенный над клюкой,
Вот понес в свой край родной
Дряхлость и кручину.

Над ручьем старик сидел,
На ручей старик глядел:
Дряхлый, одинокий.
Он растерзанной душой
За бегущую волной
Несся в край далекий!